

A painting of a monk with a long white beard, wearing a brown robe and a dark cap, standing in a snowy winter landscape. He is holding a long, thin wooden staff in his right hand and a string of prayer beads in his left. A large, bushy branch with pink blossoms is positioned to his left, appearing to grow from the staff. The background shows a snow-covered path, bare trees, and a small yellow house in the distance under a blue sky with light clouds. The monk has a large sack slung over his shoulder.

Монах Варнава
(Санин)

Таинственный посох

Евгений Георгиевич Санин

Таинственный посох

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69837970

*Таинственный посох:
ISBN 978-5-00127-415-5*

Аннотация

Новая книга известного современного православного писателя и драматурга монаха Варнавы (Санина), без сомнения, будет интересна людям любого возраста. Автор воспитывает в читателях доброту и милосердие, независимость от материальных благ и потребность жить по совести. Что особенно ценно, делает он это исподволь, без морализаторства, поэтому книги отца Варнавы читаются легко и с большим интересом.

Содержание

Часть первая	5
Крещенская вода	5
Таинственный посох	9
Живые свечи	13
«Папа, стой!»	18
Семисвечник	22
На вес слова	24
Духовная арифметика	27
Мать и сын	31
Раскаяние	35
Взрослые дети	40
Церковная записка	46
Знаки – «оттуда»	52
Главное условие	58
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Монах Варнава (Санин)

Таинственный посох

© Монах Варнава (Санин), текст, 2023

© Сибирская Благовонница, макет, 2023

Часть первая

Таинственный посох

Крещенская вода

О силе крещенской воды теперь знают или, по крайней мере, слышали все. Не случайно вот уже лет десять-пятнадцать, в сильнейшие морозы или под ледяным дождем ¹, часами выстаиваются перед храмами, колодцами, прорубями после Великого чина освящения крещенской воды огромные очереди.

Стоят академики и рабочие. Бабушки с палочками. И интеллигентные дамы. Мамы с колясками, правда, эти – недолго: как правило, им советуют пройти за крещенской водой без очереди. Подпрыгивающие, чтобы согреться, дети. Иноверцы, среди которых особенно много мусульман: видать, всерьез помогла – и не раз – им или их родственникам крещенская вода!

¹ По поводу одной такой оттепели в середине января в Санкт-Петербурге мною однажды было написано стихотворение «Крещенский дождь». Такое даже в этот век едва ли Припомнит град апостола Петра: Рождественские святки миновали, И на Крещенье дождь идет с утра. Крещенский дождь над Северной столицей Зимю людям кажется бедой.... А вдруг это, по милости велицей, Кропит нас Бог крещенскою водой?..

Стоят и неверующие люди. Точнее, называющие так себя по самообману. Ибо во что-то человек верит всегда. Пусть не в то, во что действительно нужно верить, а так – в приметы, народные гадания, гороскопы... Даже атеисты верят – хотя бы в то, что, по их словам, нет Бога!

Сегодня уже всем известно, что крещенская вода обладает особой силой и свойствами, не определяемыми самыми точными методами современной науки. Она может годами и даже десятилетиями не портясь стоять в банке. От нее получают исцеление от многих, в том числе и от, казалось, неподвластных медицине недугов.

После окропления ею квартиры сразу же замечаешь, что воздух в комнатах становится какой-то другой, наступает мир в душе и приходит трудно передаваемое словами состояние защищенности, радости и покоя. Это то, что можно ощутить, пусть в виде отголосков, физически.

Что же тогда происходит невидимо? Вот тут наверняка нет в человеческом языке слов, чтобы передать это! Святые говорят, что в такие моменты черные силы бегут прочь, не выдерживая силы крещенской воды, имеющей особую Божию благодать защиты от них. Поэтому, сознательно или неосознанно, и верят люди в могучую силу крещенской воды. А вот о том, что она может защищать не только их, но и саму себя, знают немногие.

Человек тридцать-сорок, непосредственные свидетели самого настоящего чуда, происшедшего крещенским утром

1999 года на Балтийском вокзале Санкт-Петербурга, и те, кому они потом рассказали о нем. В том числе и мне.

...В то утро спешившая с большой пластиковой бутылкой, наполненной до самой крышки крещенской водой, женщина неожиданно поскользнулась... И – бутылка, вылетев из ее рук, покатила, покатила... и упала прямо на рельсы. Перед неумолимо накатывавшим на нее поездом.

«Ох-х!», похожее на общий стон, только и вырвалось у всех, кто стоял рядом.

Собственно, в том, что это произошло, не было ничего удивительного и тем более таинственного. Перрон был на редкость скользким. Да и темные силы уж очень, возможно, хотели помешать женщине донести крещенскую воду до дома...

Удивительное, а точнее, чудесное заключалось в том, что на глазах у десятков людей тяжелая бутылка – сама, без всякой посторонней помощи – стала медленно-медленно подниматься в воздух. И – словно невидимой рукой была бережно поставлена на край перрона. Точнее, не на самый край, чтобы вдруг не упасть вновь, а прямо перед опешившей при виде всего этого женщиной. И застывшими – каждый в той позе, в какой застала его эта картина, – пассажирами.

...В вагоне, куда сели все как один свидетели этого необычайного происшествия, было многолюдно. Удивленные пустотой в остальных вагонах, люди на следующих остановках неосознанно, думая, что в других то ли не топлено, то ли

какой другой непорядок, несмотря на начинавшуюся тесноту, тоже подсаживались туда. И, слыша вокруг одно и то же: «Нет, вы видели? Видели?!» – просили рассказать, в чем дело.

Выслушивали, как правило, сразу несколько перебивавших друг друга голосов. Качали от удивления головами. И осматривали бутылку со всех сторон. Баллон как баллон, но надо же – «Ах! Ах!! Ах!!!» Ведь это же чудо!

Одни поверили в него сразу. Другие, убеждаясь в правде по неподдельному выражению лиц рассказывавших о чуде людей, каким-то одинаково просветленным глазам и их взволнованному тону, – чуть позже. А потом все как один просили женщину, даже не замечавшую на радостях, что в конце концов ей так и не удастся ничего донести до дома, дать выпить хоть капельку воды из чудесной бутылки.

Называя ее так совершенно зря. Ведь чудесной-то была не эта бутылка. А самая обыкновенная – впрочем, разве можно и без этого чуда называть ее обыкновенной? – крещенская вода!

Таинственный посох

Выкопал Сергей Семенович возле своей баньки глубокую яму.

Зачем копал – и сам забыл. Когда копал, видно, нужна была для чего-то. А потом надобность в том отпала, и он поначалу каждый раз озадаченно почесывал в затылке, замечая зияющую в земле яму. Затем просто стал обходить ее по привычке. А со временем и вовсе забыл о ней.

Вспомнил только тогда, когда, напарившись всласть однажды, решил обежать вокруг баньки. На первом или последнем морозце. Дело-то было поздней осенью или ранней весной – это я как-то забыл уточнить.

Дом Сергея Семеновича – на самом краю села, даже слегка на отшибе, банька и вовсе в глубине двора – беги нагишом в свое удовольствие, никто не увидит! Он и побежал. И не то чтобы упал, а плавно, глядя почему-то при этом вверх, на ухмыляющуюся луну, сполз в злополучную яму.

Охнул. Вскочил на ноги. Бросился было наверх. Да куда там! Яма-то – в глубину до самых кончиков пальцев. Края – осклизлые, другого слова не придумаешь.

Подпрыгнул он раз. Подскочил – повыше – другой. Затем, поразмыслив, изо всех сил, с короткого, в полшага, разбега – больше в яме откуда возьмешь? – изловчился, набежал на стенку, одновременно подпрыгивая... и, хрипя от невероят-

ного усилия, зацепился пальцами за спасительную поверхность. Да только мгновение продержался. И теперь уже не сполз – упал вниз.

Понял Сергей Семенович, что положение нешуточное. Так ведь и замерзнуть недолго. Стал он звать на помощь. И «помогите!» кричал, и звал по именам ближайших соседей. А когда, в отчаянии, дошел до звуков, напоминающих волчий вой, на который стали отзываться одни собаки, то понял, что и этим тоже ему себя не спасти. Банька ведь у него так стояла, что не только ничего не видеть, но и не слышать было...

И тут губы Сергея Семеновича молитвенно зашевелились...

Нельзя сказать, что он был верующим человеком. Скорее, даже наоборот. Все его познания в вере ограничивались тем, что он где-то, когда-то и что-то слышал о Николае Чудотворце. Да, точно, как ясно припомнил он теперь, этот святой спас жизнь одному из его знакомых во время страшной аварии. Во что без тени сомнения верил тот, как считал тогда Сергей Семенович, спасенный чудак.

Ясно вспомнив сейчас об этом, он резонно посчитал, что сам попал в аварию, которая через час-другой грозила перерасти для него в катастрофу, и стал звать деревенеющими губами:

– Святой Николай! Если ты и правда есть... и если ты действительно Чудотворец, яви и на мне свое чудо! Помоги! А

то я ведь так и замерзну...

Едва успел он закончить, как вдруг слышит приближающиеся шаги.

– Иваныч! Макаровна! Андрюха! – пытаюсь угадать, кто это, обрадованно принялся кричать бедолага.

Неужели услышали?! Но нет – это были совсем не соседи. Над ямой склонилось незнакомое, серебристо освещенное светом луны лицо седобородого мужчины почтенных лет.

– Ты что это тут делаешь? – строго спросил он.

– Да вот... – только и смог пролепетать Сергей Семенович. – 3-3-замерзаю...

– Ну это ты зря! Всю жизнь собираешься, что ли, в яме сидеть? Давай-ка я лучше тебе помогу!

С этими словами незнакомец протянул вниз суковатый посох, сделанный словно специально так, чтобы Сергею Семеновичу удобнее было ухватываться за него, продвигаясь всё выше и выше.

«Не сдюжит, сорвусь... сорвусь сейчас!» – стонал он про себя.

И не успел додумать, каким образом этот старик сумеет вытащить его, грузного, словно боров, мужика, из ямы, как уже оказался наверху, на самом ее краю.

Из страха снова сползти вниз он побыстрее отбежал в сторону. Повернулся, чтобы поблагодарить нечаянного спасителя. И обомлел. Рядом с ним никого не было.

«Привиделся он мне, что ли?» – мелькнула первая мысль.

Но за ней пришла вторая – разумная. Как ни крути – он стоял на земле. А не продолжал оставаться в яме. И еще на полудзимней-полувесенней земле остался лежать посох. Поро-ду дерева, из которого он был сделан, не сумел определить никто, кому бы Сергей Семенович ни показывал его после. Даже лесничий, знавший всё о лесах в ближней и дальней округе.

Нельзя сказать, что с тех пор отношение Сергея Семеновича к вере резко изменилось. В храм он по-прежнему пока не ходит. Икон дома тоже еще не завел.

Но, во всяком случае, теперь уже не считает чудачком своего знакомого, чудесным образом спасенного во время аварии...

Живые свечи

Умерла у одного известного физика – его имя часто можно встретить в авторитетных научных журналах – дочь. Единственное утешение и отрада после смерти любимой жены...

Все его статьи, все изобретения, многими из которых пользуемся мы сейчас, даже не зная, кто их автор, да и сама жизнь, потеряли свой былой интерес, всякий дальнейший смысл. Верил бы в Бога, как стали теперь многие верить, так было бы легче. А так...

Как сделанный им когда-то в юности робот, почти механически ходил он в институт, делал там что-то. Затем возвращался домой, что-то ел и опять что-то делал... То вытирал пыль с казавшейся ему бесконечно длинной, темной стенки, боясь коснуться семейных фотографий. Наверное, чтобы не разорвалось от горя и без того стучащее в груди на пределе сердце... То поливал поникшие, словно осиротевшие вместе с ним цветы.

Так продолжалось до тех пор, пока не зашел он в храм. Большой такой, с сияющими в лучах заходящего солнца крестами на синих куполах. Сам не зная, зачем зашел.

Постоял, глядя на огромные темные иконы старинного письма и силясь хоть что-то понять. Потоптался у свечного ящика, где продаются иконы поменьше. Купил – побольше

да покрупней – свечей. Но, стесняясь спросить у молодых парней в подрясниках, где ставят свечи за умерших, – всё-таки немолодой, седой человек, к тому же признанный во всём мире ученый, а таких прописных истин не знает, – только вздохнул. Потоптался. Да так и вышел со свечами из храма.

Принес их домой. Поставил на стол большую сервизную тарелку в крупных, с бутонами, розах, на которой жена в их дни рождения с особенной гордостью – хорошо готовить она, если честно, никогда не умела – подавала им с дочкой один и тот же невероятно вкусный торт.

Подогрев спичкой снизу, прилепил к тарелке, сколько у него их было, свечи. Зажег все до единой. Выключил свет. И сел перед целой стаей живых огней, подперев кулаками впавшие за последний месяц щеки.

«Зачем жить, если всё когда-нибудь да кончается? При чем так страшно... нелепо... глупо... – думал он. – Вон, свечи – и те плачут. Восковыми, конечно, слезами...»

Слабо удивившись тому, что он, как говорится, до мозга костей физик, неожиданно стал самым настоящим лириком, он прикрыл глаза и стал вспоминать жизнь дочки с самого ее рождения. Слезы потекли по щекам. Он пытался стряхнуть их резкими движениями головы, но они струились уже по подбородку.

Так прошла минута, а может, час. Спроси у него кто – сколько именно, он бы и не знал, что ответить. Только пришел в себя от ощущения, что чего-то ему не хватает. И вско-

ре, даже не открывая глаз, понял чего: света. А когда открыл их, убедился. Да, точно: свечи почему-то погасли. Все до одной. Неужели и правда совсем незаметно прошло столько времени?

«Нет!» – взглянув на окно, убедился он: еще даже вечер не перерос в ночь.

И, вздохнув, с горечью сделал вытекающий из всех своих предыдущих мыслей вывод:

– Вот, даже свечи – и те погасли...

Он снова закрыл глаза и почти тут же невольно открыл их от какого-то странного ощущения внезапно вновь появившегося перед ним света.

«Не может быть!» – прошептал он.

Но факт, как любил он приговаривать во время своего очередного открытия в лаборатории, оставался фактом. Свечи – горели... Все до одной!

Как физик он прекрасно понимал, что этого не может быть. Ну хотя бы потому, что такого не может быть никогда! И тем не менее свечи горели! Причем еще более ярко и даже как-то радостнее, чем прежде.

Да, припомнив недавний разговор с другим ученым, он попытался объяснить себе это явление земными мерками. Тот говорил ему, что где-то за рубежом химики изобрели шуточные свечи, которые могут сами собой гаснуть и зажигаться вновь. Но то шуточные. А это были не какие-то там искусственные, а самые настоящие, судя по цвету и запаху,

восковые. Причем купленные не в предновогодней лавке со всякими шумными петардами и ракетами, а в православном храме. И более того, изготовленные, как ему сказали при их покупке, в одном из строгих монастырей.

Пока он размышлял над всем этим, свечи опять погасли! Затем, уже прямо на его глазах, снова зажглись. Словно живые. Будто подзывая его и силясь о чем-то сказать...

И тут он вдруг понял о чем!

Уже больше не пытаясь определить причину того, что происходило сейчас перед ним, он только ахнул от совершенно неожиданной мысли: «Вот и свечи загорелись! Да еще не раз, чтобы мне, тугодуму и маловеру, стало ясно, что таким образом они дают мне понять о том, что до сих пор было скрыто от меня, – о моей дочке! Ведь точно так же и ее душа, которая, как мне казалось, навсегда погаснув, загорится вновь! Или – как, наверное, правильной будет сказать – воскреснет! И жены! И моя душа!

И я встречу с ними опять! Причем навсегда, навечно!»

Потрясенный этим – как он теперь ясно понимал – главным открытием в своей жизни, физик сидел, не отводя глаз от живых свечей. И думал, думал...

Лицо его было светлым. Жизнь снова обретала свой смысл. И больше не отдавала его назад.

Свечи вдруг снова, и на этот раз окончательно, погасли. Но теперь – устало улыбнулся физик – уже совершенно естественным образом.

Потому что давно уже наступило утро!

«Папа, стой!»

Ехали в машине впятером. За рулем священник – отец Сергей. Рядом с ним – матушка, его супруга. И позади дети. Двое постарше. И третья – Екатерина.

Папа с мамой оживленно разговаривали, обсуждая большую покупку, за которой они сейчас направлялись. Детвора не отставала. Кричали наперебой, каждый доказывая свое. Ведь ехали-то за мебелью для детской комнаты. А кому, как не тем, кому в ней жить, решать, что для них самое главное.

После разговоров о кроватках, столиках и полках перешли к еще более важному: игрушкам, которые будут на них стоять. Старшие уже и большого плюшевого мишку, и самосвал, и еще много чего выпросили. Только Екатерина никак не могла придумать, чего бы она хотела больше всего...

Ехали весело, шумно, торопясь. Впрочем, папу и подгонять было не нужно.

Он всегда ездил на полной скорости. Не важно – в городе ли, на трассе...

Да и до мебельного магазина оставалось всего-то ничего. Каких-нибудь пять минут. Точнее, два перекрестка. Если уже не считать того, к которому они стремительно приближались.

Старшие дети вдруг вспомнили, что в детскую комнату обязательно нужно купить маленькие качели. Радостный

спор возобновился с новой силой. Как вдруг Екатерина вся напряглась, вцепилась пальчиками в спинку папиного сиденья и стала совсем по-взрослому серьезной и сосредоточенной. Словно прислушивалась к чему-то...

– Папа, стой! – попросила она вдруг.

– Чего это ты? – удивился отец Сергей.

– Папа, стой!! – упрямо повторила Екатерина.

– Да будет тебе, – включилась в разговор мама. – Сейчас доедем – и сделаешь всё, что тебе нужно...

Не обращая больше внимания на так некстати закапризничавшую дочь, отец Сергей продолжил разговор с матушкой, увлеченно доказывая, что нужно покупать не только качели, но и маленький спортивный уголок. Для физического развития и укрепления здоровья детей.

Он был опытным водителем. Зорко смотрел на дорогу, не упуская ни одной мелочи. Дорога была чистой. Впереди – перекресток. Еще долгий зеленый свет...

И тут Екатерина во весь голос пронзительно закричала:

– Папа, стой!!!

Ничего не понимая, отец Сергей невольно подчинился младшей дочке и машинально нажал на тормоз. И тут...

Огромная, казавшаяся бесконечно длинной, хотя ехала на бешеной скорости, фура, управляемая, очевидно, нетрезвым водителем, вдруг неведь откуда вылетела из-за поворота и на несколько мгновений преградила им путь. Не затормози отец Сергей, этих мгновений было бы достаточно для того,

чтобы их машина превратилась в кровавое месиво...

И слава Богу, что никто не ехал прямо за ними следом! Но почти тут же позади скопилась целая вереница машин. Напрасно сидевшие в них водители сигналами, нетерпеливыми криками и подстегивающими жестами из окон требовали не загромождать дорогу.

Отец Сергей никак не мог продолжить путь. Лицо его было смертельно бледным. Руки мелко-мелко дрожали. Ма-тушка тоже сидела, прижав ладони к лицу. Старшие дети, прижавшись друг к другу, испуганно замолчали. И только Екатерина как ни в чем не бывало высказала наконец свое заветное желание:

– А я хочу большую-большую куклу с длинной-предлин-ной косой!

Отец Сергей повернулся, как-то странно посмотрел на нее и только удивленно покачал головой: какая кукла?! Сей-час он готов был подарить спасшей их дочке весь «Детский мир» со всеми его играми и игрушками! Разумеется, благо-пристойными.

И в этот же момент он дал себе слово никогда в жизни больше не ездить так быстро... Ни в городе. Ни на трассе.

Как знать, может, благодаря этому (ведь сколько раз пре-дупреждали отца Сергея, что для него такое лихачество мо-жет плохо закончиться) он и рассказал мне потом эту исто-рию?..

А закончилась она тем, что, продолжив путь, не говоря ни

слова, сразу же после перекрестка он неожиданно развернул машину и поехал в направлении, прямо противоположном мебельному магазину. Затем свернул раз... другой...

Ни матушка, ни дети даже не спросили у него, в чем дело и куда они едут.

Потому что это была хорошо знакомая им дорога – в храм. И они ехали туда – благодарить Бога за свое нечаянное спасение!

Семисвечник

Около двадцати лет назад, работая над книгой для детей (а, как на проверку оказалось, в немалой мере и для взрослых!) «Духовная азбука», я написал стихотворение про семисвечник. Его таинственные огоньки каждый может увидеть в алтаре, когда открыты царские врата во время службы или на Пасхальной седмице.

Вот оно:

За престолом семь лампад
Так торжественно горят!
Видно, каждая лампада
Здесь гореть бывает рада!

И оказывается, не только гореть, но и, как мне рассказал совсем недавно священник Виктор Георгиев, по Божией милости творить чудеса.

Это произошло так.

Высокий, спортивного сложения батюшка (до принятия сана он занимался лыжным спортом), неудачно повернувшись в очень тесном, маленьком алтаре церкви, ненароком задел семисвечник. Да так, что ему на спину выплеснулось едва ли не по половине содержимого каждой лампы. Отец Виктор очень внимательный и требовательный ко всему, что касается порядка и благочиния в храме, батюшка. И разуме-

ется, алтарники тщательно следят за тем, чтобы лампы у икон и уж тем более на семисвечнике перед службой всегда были полными. Стоит ли удивляться тому, что всё облачение на спине отца Виктора тут же сочно заблестело и через минуту стало насквозь мокрым.

Вокруг сразу же начались ахи и охи. Но останавливать службу было уже нельзя. Есть такой момент в литургии, после наступления которого, будь хоть пожар, хоть землетрясение, службу необходимо продолжать.

И священник продолжил. Отслужил как положено. Но что это? Он вдруг явственно почувствовал, что его спина неожиданно перестала быть масляно-влажной. И алтарник, подойдя к нему с двумя пачками соли в руках, которая, бывает, помогает в таких случаях, если ею немедленно посыпать промасленную одежду, сначала с недоумением, а затем с благоговейным страхом прошептал:

– Батюшка, а у вас-то спина совсем сухая...

Разоблачился отец Виктор, осмотрел облачение: и правда – никаких следов масла! Даже на подряснике ни капли!

Взглянули они с алтарником на полупустые лампы на семисвечнике, поняли, что у них на глазах произошло самое настоящее чудо, и потом отец Виктор рассказал мне эту историю.

А я почему-то вдруг вспомнил свое давнее стихотворение про семь таинственных лампад. Не знаете почему?

На вес слова

Никто еще не взвешивал сказанных слов. И наверное, никогда не сумеет этого сделать. Но то, что каждое слово имеет вес или, по крайней мере, каждое слово материально, это точно. Думается, каждый хоть раз в жизни да убеждался в этом. Убедилась в этом и одна моя давняя знакомая, которая рассказала мне буквально следующее.

Лет двенадцать назад зашла она в гости к своей подруге. А у той был взрослый сын – лет двадцати с небольшим. Когда знакомая пришла, тот сидел на диване, к спинке которого были прислонены костыли.

Как рассказала его мать, когда они принялись хлопотать на кухне, прошел уже год, как он заболел. Перенес несколько сложнейших операций на руке и ноге. Рука кое-как срослась, правда, стала совсем кривая. Но ею, хоть и с трудом, он еще мог пользоваться. А вот нога...

После операций она стала короче почти на десять сантиметров, и в нее был вставлен металлический штырь. К тому же открытая рана на ноге не заживает вот уже целый год. Врачи, как говорится, сделали всё, что только было в их силах. Но так ничем и не смогли помочь...

– Вот и сидит теперь парень дома, нигде не работает. Да и какая может быть работа, если он по квартире-то передвигается с великим трудом! А ведь каким красавцем был, когда

вернулся из армии!.. – всхлипнув, сказала мать.

В ходе беседы выяснилось, что, вернувшись из армии, па-рень в первый же вечер собрался в гости к друзьям. А мать, которая никак не могла наглядеться на него, и слышать не хотела, чтобы он уходил куда-то. Нет-нет, только чтоб оста-вался с ней, дома! Она ведь его так ждала... И в чем-то была права.

А сын стоял на своем. И тоже по-своему был прав...

В итоге она начала кричать на него:

– Не смей уходить, а то прокляну тебя!

Сын, не слушая, по-солдатски быстро оделся и пошел к двери.

– Ах так?! – прокричала она ему вслед. – Ну тогда знай: ес-ли пойдешь – попадешь под машину, переломаешь руки-но-ги!

Ответом ей была громко захлопнувшаяся за сыном дверь. Он торопился. Его уже ждали друзья. Он опаздывал.

Сильный и ловкий, перебежал через одну дорогу. Домчал-ся до другой.

И надо же такому случиться: минут через пять, в двух кварталах от дома, попал под машину!

В тяжелейшем состоянии, с переломами руки и ноги его на «скорой» отвезли в больницу.

Мать, рассказывая всё это, забыв, что за стеной сын, а мо-жет, наоборот, чтобы он слышал и понимал свою вину, гром-ко кричала:

– Это его Бог наказал за то, что он не послушался своей матери! Теперь вот сидит дома калекой, никому, кроме меня, не нужен! А если и дальше не будет слушаться, то у него нога так и не заживёт никогда и вообще – отвалится!

Она кричала, кричала... И невозможно было остановить, а тем более переубедить ее, так и не понявшую, в чем была истинная причина этой трагедии...

Духовная арифметика

Посвящаю своей сестре Ольге

Сколько будет, если от 69 рублей 12 копеек отнять 69 рублей 12 копеек? Правильно – ноль. Этот урок тогда просто нравственной, а потом, как она поняла, спустя десятки лет придя к вере в Бога, еще и духовной арифметики Татьяна Алексеевна запомнила на всю жизнь.

Работала она в те далекие семидесятые годы в большом общежитии. Воспитателем. Одна поднимала на ноги двух маленьких сыновей. Денег на всё, конечно же, не хватало.

И когда пришел денежный перевод на 69 рублей 12 копеек от невразумительного по адресу и фамилии отправителя на имя давно выбывшего человека, она, очень нуждаясь в средствах, получила его. И потратила: как обычно, почти всё на детей, то, что осталось, – на себя...

Никто в итоге не пострадал. Не получил никакого ущерба. К тому же всё это быстро забылось. Но прошло время – и напомнило о себе. Да еще как!

Когда Татьяна Алексеевна стала увольняться с работы и ходить, как положено, с обходным листом, вдруг оказалось, что утерян находившийся под ее ответственностью дорогой радиоприемник с проигрывателем.

– Не переживай, – успокаивали ее подруги, – наш дирек-

тор и не такие недостатки прощал!

Да, прощал. Но тут – словно коса нашла на камень.

Всегда хорошо относившийся к Татьяне Алексеевне, знавший, как непросто ей одной воспитывать двоих маленьких сыновей, и потому постоянно шедший навстречу ко всему прочему еще и добросовестной работнице, директор неожиданно категорически отказался подписывать обходной.

– Вы знаете, что я всегда хорошо относился к вам и родителей ваших уважаю, но тут ничем не могу помочь! – сказал он, как отрезал. – Факт остается фактом. Вы не закрыли комнату, где хранился приемник, и он пропал. Мне, что ли, теперь прикажете за него платить? Ну нет! Заплатите за приемник с учетом его износа – это единственное, что я могу сделать для вас, – тогда и приходите со своим обходным!

Сказал. Вызвал бухгалтера. Та подсчитала. Вычла, сколько смогла. И назвала сумму:

– Шестьдесят девять рублей двенадцать копеек!

Большая по тем временам сумма – совсем, без малого, целый оклад обычного служащего! А для Татьяны Алексеевны и вовсе просто огромная.

Но ничего не поделаешь. Директор, как ни заступались за нее все без исключения работницы общежития и жильцы, оставался неумолим. Родители тоже предлагали позвонить ему – уж им-то он бы не отказал. Но Татьяна Алексеевна решительно отказалась. Каким-то совершенно неведомым для себя чутьем она поняла, что всё это не просто так. И она обя-

зана заплатить всё то, что потребовали.

Сначала от огорчения она даже не обратила внимания на то, что присвоенный ею когда-то денежный перевод и нынешняя недостача за пропавший приемник совпадали буквально до копейки. Но когда это до нее дошло, то была просто потрясена этим. Воспитанной, как почти все тогда, в атеистическом духе Татьяне Алексеевне стало даже немножко страшно.

Уже осознанно она посчитала всё случившееся с ней правильным и решила, что тут просто восторжествовала справедливость. Не нужно ей было брать чужого!

Пришлось после этого побегать по подругам, родителям: брать, занимать, выплачивать... И получать намного меньше, чем было положено, расчетных...

Теперь, спустя много-много лет, придя к вере в Бога, она понимает, что всё это было последствием нарушения ею духовного закона. Татьяне Алексеевне повезло: ей не пришлось платить своего, а только до копейки вернуть чужое. Ведь, по сути, она никого не обворовала и не обидела. Поистине справедлив до чудесного этот духовный закон!

Но вот что мне подумалось – и тут уже не немножко, как в свое время Татьяне Алексеевне, а по-настоящему стало страшно.

А каково же будет тогда тем, кто без зазрения совести брал и берет чужое? Не возвращая. Не останавливаясь. Не каясь...

Какой ответ будут они держать (и зачастую уже держат) здесь, на земле? А главное – там, в Вечной жизни...

Мать и сын

Подошла Мария Степановна после службы к священнику. Благословила как положено. И со слезами на глазах говорит:

– Батюшка! Отец Михаил! Помогите! Сын у меня погибает, а я ничем не могу ему помочь!

– А в чем, собственно, дело? – с участием посмотрел на нее священник. – Он что, серьезно болен?

– Да нет, здоров как бык! – даже отмахнулась от этих слов женщина.

– Тогда, значит, пьет?

– Случается иногда, особенно по светским праздникам да когда дружки позовут. Но меру свою знает! Во всяком случае, пьяным я его, слава Богу, еще никогда не видела!

– Гм-м... – задумался вслух священник. – Тогда что же он у тебя – блудит? то есть гуляет?

– И это тоже бывает. Но – хуже, батюшка, хуже...

– Да что может быть хуже, чем этот смертный грех, который уже и за грех принимать перестали? – с упреком покачал головой священник и напрямую спросил: – Он что у тебя – наркоман?

– Боже упаси! – в страхе перекрестилась женщина.

– Так что же тогда с ним?!

– Я ж говорю: гибнет!

– Ничего не пойму! А впрочем...

Священник внимательно посмотрел на женщину, прищурился, что-то припоминая, и сказал:

– Сына твоего я немного знаю, порой встречаю на улице. А вот в храме ни разу не видел.

– Вот в том-то всё и дело...

Мария Степановна прижала ладони к груди и зачестила:

– Я старая, глупая, как у нас веру в стране разрешили, то и в церковь пошла. И молитвам на церковнославянском научилась. Правило утром и вечером читаю. Исповедуюсь, причащаюсь...

– Это я знаю, ты про дело, суть говори! – слегка поторапливая женщину, кивнул священник.

– Вот я и говорю. Я, грешная, по милости Божией, спасаюсь. А он, полную школу, а после нее институт окончивший, такой ум имеющий, что на работе эти, как их... компьютерные программы составляет, ни в какую не хочет! Уж я и так с ним, и эдак! Каждую вашу проповедь, когда после службы домой возвращаюсь, пересказываю. Так нет – сразу же начинает зевать и обрывает на полуслове. Книги духовные, с закладками в нужных местах, словно невзначай – то на прикроватную тумбочку, то на стол перед едой – он у меня, когда ест, уж очень читать любит – подкладываю. Только он их – всегда в сторону и за свои бульварные романы опять принимается. Я к нему и лаской, объясняя, как хорошо спасенным в раю, и с угрозами про ад. А он знай себе только смеется. В

раю мне, говорит, пожалуй, скучно будет. Уж если тут того нельзя да это не делай, то представляю, что будет там, да еще на целую вечность. Нет, я лучше, если он и правда есть, в аду, со своими привычками и друзьями!

Женщина горько вздохнула и, безнадежно махнув рукой, продолжила:

– Уж я ему объясняла, что это он так про ад говорит потому, что даже представления не имеет, каково там на самом деле. Ну, помните, как вы в проповеди говорили однажды: что самые жгучие, страшные, жуткие муки на земле не сравнить с самой малой мукой в аду! Что она гораздо нестерпимей, сильнее...

– Это не я, это святые так говорят. Я только повторил... – строго приподнимая указательный палец, уточнил священник.

– Ну, а я, как уж могла, – вас... – прошептала Мария Степановна и беспомощно развела руками. – Ну что мне еще сделать? Каждый день говорю ему о вере и Боге, и никакой пользы! Скорее, даже наоборот...

– Так вот оно в чем дело!

Священник внимательно посмотрел на женщину и чуть приметно усмехнулся в густую бороду.

– Ты ведь, Мария Степановна, совсем не то делала!

– Как это? – не поняла та.

Священник немного помолчал, словно вспоминая нужные, скорее всего, тоже почерпнутые у святых слова, и весо-

мо сказал:

– А то! Ты говорила с сыном о Боге. А надо было – с Богом о сыне! Уразумела?

– Да... кажется... Я попробую! – кивая, проговорила женщина.

И вместо того чтобы, как обычно, заспешить домой, к сыну, купив самую большую свечу, медленно направилась к светлой чудотворной иконе Спаса Нерукотворенного...

...Что было дальше – это уже отдельная история.

Главное, что через два-три месяца Мария Степановна снова, только на этот раз перед службой, когда вот-вот готова была начаться исповедь, подошла к отцу Михаилу. И они снова побеседовали. Но на этот раз не так долго. И не только потому, что священнику пора было читать подготовительные к таинству молитвы.

Всё дело было в том, что за ее спиной стоял, переминаясь с ноги на ногу и с непривычки осматриваясь по сторонам в храме... ее сын.

Раскаяние

Обиделась Алевтина на родителей. Не на шутку обиделась.

Она, будучи в разводе и имея двух сыновей, трех и семи лет, всё время хотела быть самостоятельной. А они никак не позволяли ей этого. Всё время указывали – что делать, как жить. Многое, в том числе встречи с мужчинами, запрещали. И даже не разрешали поменять квартиру и переехать в другой город, в котором жил ее младший брат. Горячий, давно уже делавший всё, что хотел.

И вот в то самое время, когда и подходящая квартира нашлась – брат, несмотря на то что был на инвалидности, лично съездил на другой конец города и осмотрел ее, – и жильцы были согласны на обмен, родители категорически и окончательно высказались против.

Для этого они даже нагрянули к Алевтине домой. И тут разгорелся такой скандал, что после их ухода та стгоряча написала письмо брату.

В нем она высказала все свои накипевшие обиды, пожаловалась в самых громких, насколько могла вытерпеть бумага, тонах на родителей. Что они постоянно опекают ее, связывают свободу... Желают, чтобы она жила только так, как считают нужным они... А какое, собственно, имеют на то право? Ведь она давно уже не то что совершеннолетняя, а

взрослая женщина. Сама – мать!

Исписала так Алевтина несколько страниц. Аккуратно, для надежности, вывела своим учительским почерком на конверте адрес. И не мешкая, выбежав на улицу, бросила его в почтовый ящик. Благо тот прямо на углу их дома висел.

Бросила – и тут же схватилась за голову.

«Что ж я наделала?!» – подумала она с самым горячим, сердечным, но, увы, запоздалым раскаянием.

Точности ради нужно сказать, что Алевтина тогда, как и многие в конце семидесятых годов, была еще бесконечно далека от веры. И не знала, что, разругавшись с отцом и матерью, совершила тяжелый грех, вследствие которого зачастую болеют и рано уходят из жизни непослушные или – хуже того – обижающие родителей дети ².

Но совесть, этот Божий глас, никогда не смолкающий в человеке, как бы мы ни старались отмахнуться от него, заглушить или даже убить, неожиданно уколола ее, явственно давая понять, как она была не права!

Во-первых, ей вдруг стало до слёз жалко родителей. Ведь они у нее такие хорошие!

Она невольно вспомнила, сколько добра они ей сделали. Как всегда помогали. Сколько заботились, когда она осталась одна с двумя детьми. Квартиру, если до конца разо-

² Ибо пятая заповедь Божия прямо гласит: *Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет, и да долголетен будеши на земли* (Исх. 20, 12). То есть в переводе на современный язык: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе хорошо было и чтобы ты долго жил на земле».

браться, и ту для нее выхлопотали именно они!

А во-вторых, она не на шутку испугалась. Брат горяч. Прочитав ее письмо, он может закатить родителям такой скандал, какой ей даже не снился. И они тогда могут узнать, что она написала про них в этом злосчастном письме! Даже наверняка узнают! Ведь должен же он будет на чем-то основываться? А на чем же еще, как не на ее словах? Еще и цитировать их начнет!..

«Что они тогда обо мне подумают? Как я после этого смогу смотреть им в глаза?!» – поняв всё это, похолодела от ужаса Алевтина.

Ох и сокрушалась она о том, что сделала! Как жалела, что написала и тем более отправила это письмо! Она даже попыталась сначала пальцами, а потом длинной веточкой достать его из почтового ящика. Но разве такое возможно?

Прохожие вскоре начали коситься на нее. И она вынуждена была отойти от угла дома. А затем дежурить у подъезда. Ждать, когда приедет машина опустошать почтовый ящик. Да так и не дождалась.

После размолвки с родителями ей теперь временно пришлось всё делать самой. И в школу после уроков за старшим ходить. И за младшим время от времени приглядывать. Завтрак, обед, ужин готовить... Потом уроки проверять. Укладывать спать...

Вот и упустила она тот момент, когда приезжала машина. И увезла письмо.

Брату позвонить, попросить его не раздувать из искры огня Алевтина побоялась. Кто его знает... По телефону всего не обскажешь. Поймет что-то не так и сам сразу же позвонит родителям. И это только опередит неприятные события.

Вот так, живя теперь словно в тягучем, кошмарном сне, она ждала неминуемой расплаты...

Но странно – прошла неделя... другая... Письмо давно должно было дойти до брата. А не было никаких признаков того, чего она так опасалась. Наоборот, с родителями отношения даже как будто стали налаживаться...

И тут на исходе третьей недели пришло наконец письмо. «От брата! – увидев название города, сразу поняла она. – Ну, жди теперь неприятностей...»

Но, взглядевшись повнимательней, Алевтина с удивлением обнаружила, что почерк на конверте совсем не похож на всегда сразу узнаваемый, напоминающий скоропись почерк ее брата. Хотя до странного очень и очень знакомый...

«Но тогда чей же? – недоумевая, крутила она письмо, пока ее внезапно не осенило: – Да ведь это же мой!»

И тогда она поняла, что это ее собственное письмо! То самое! Из-за которого она потеряла покой!!! Только теперь почему-то всё в каких-то печатях. И с окончательной жирной надписью наверху: «Адресат выбыл».

«Как – выбыл?» – не поняла Алевтина. Она машинально проверила адрес – всё правильно. Никаких ошибок. Письмо непременно должно было дойти!

И только тут до нее дошло, что случилось нечто невероятное. Тогда она еще не верила в слово «чудо». Не знала, что на свете бывают чудеса. Просто стояла с письмом в руках, не зная, куда девать себя от переполнявшей ее радости. И, спохватившись, помчалась домой. Где сначала изорвала в клочки, а затем – для верности – сожгла это письмо!

Так счастливо для Алевтины закончилась эта история с последствием ее искреннего, сердечного раскаяния.

Пусть тогда она еще была далеко от веры и Бога. Главное – Бог был близок к ней. И услышал ее. Даже без молитвы. И помог.

А потом, спустя многие годы, постепенно проторилась дорога в храм. Одна за другой выучились молитвы. Пришли воочию первые чудеса. И было настоящее церковное покаяние.

Но, впрочем, это уже совсем другая история...

Взрослые дети

Рассказал я однажды историю про Алевтину одной своей знакомой – Софии, работавшей за свечным ящиком в храме, где какое-то время был прихожанином. И оказалось вдруг, что история имела совершенно неожиданное продолжение.

София вдруг широко распахнула глаза и изумленно воскликнула:

– Так ведь это же почти про меня! То есть совсем про меня. Только без этого чуда с письмом!

И рассказала мне следующее.

Когда-то у нее тоже было двое детей. Только мальчик и девочка. Теперь это уже совсем взрослые люди. Кстати, тоже прихожане этого храма. А тогда оба были чуть старше, чем у Алевтины. Мальчик ходил в четвертый класс, а девочка – в первый.

София тоже была далека от веры. И так же стремилась к совершенной свободе. А родители сдерживали ее изо всех сил. Но однажды, как ни старались, не смогли.

Желая освободиться от постоянной опеки, советов, наставлений и даже помощи, без которой ей, как она понимала, будет необычайно трудно, она решила поменять свою прекрасную, ухоженную, с видом на огромное синее озеро квартиру на однокомнатную в другом городе. В каком – не важно. Главное, чтобы подальше от родителей.

Как они ее уговаривали! Сначала призывали к здравому смыслу. Затем угрожали, что она может лишиться всяческой их поддержки. Под конец разве что на колени перед ней не вставали. Но она – ни в какую.

И не то что без благословения, но даже без разрешения родителей оформила тайком обмен. А пока они отдыхали, точнее, приходили в себя и набирались сил для предстоящих уговоров на даче, за полдня собрала вещи, загрузила их в контейнер. И уехала вместе с детьми.

Только уже с дороги телеграмму родителям дала. «Простите, мол, не обессудьте, но мы уже в пути!»

– Если бы я только тогда знала, – вздохнула и вздрогнула, припоминая то, что было дальше, София, – что, по родительскому благословению, Господь ведет по жизни даже взрослых детей. И нужно стоять на своем только в одном случае: если они, сами живя без веры, не дают жить с Богом другим. А так...

А так было вот что.

Город, в который она переехала, оказался одним из самых неблагополучных и даже опасных по экологической обстановке в стране. С виду – красавец. Огромный, современный, улица в нем – что площадь в другом городе.

А уж площадь – как целый райцентр! Ходить бы по такому – не нарадуешься. Да только много не находишься. Летом в городе – сорок, а то и все сорок пять градусов жары в тени. Но это еще полбеды. Беда в том, что прямо в полу-

тора километрах за городом находились семь крупнейших в Европе химических заводов. Точнее, концернов. Связанных с изготовлением резины, шин, каучука. И когда ветер дул с их стороны, воздух наполнялся нестерпимым запахом гари, жженой резины и еще чем-то таким, отчего сразу перехватывало в горле. На продуваемых с силой, как в аэродинамической трубе, проспектах просто становилось нечем дышать. Некоторые с непривычки теряли сознание. И дома в такую жару нельзя было даже открыть форточку...

Хотя дом, вернее, квартира тоже вроде была ничего. Даже незаметно, что однокомнатная. Потому что кухня в ней оказалась больше зала в ином доме.

Поначалу обрадованная София запланировала разделить ее надвое – благо в ней было два окна – и одну комнату сделать своей. А большую отдать детям. Но вскоре ей стало не до этих планов. Виной всему оказалась дорога сразу перед домом. Точнее – насыщенная до предела мчащимися на полной скорости автомобилями трасса с плохо отрегулированными переходами.

Вся беда была в том, что именно через нее пролегал единственный путь в школу.

А работу (без родителей как возможно было не устраиваться на нее?) София смогла найти только такую, что не всегда могла переводить через дорогу детей. У нее получалось только одно: или туда, или обратно.

Когда выпадало туда, то на работе она была как на игол-

ках. Если обратно, то почти не спала всю ночь. Ведь наутро детям самим нужно было идти в школу через эту кошмарную дорогу. А по рассказам соседей она знала, сколько порой прямо на их глазах там погибло не только беспечных малышей, но и осторожных взрослых людей...

Словом, недолго продержались они в той квартире. И как только выпала возможность, поменяли ее на две комнаты в трехкомнатной квартире в другом районе, где между домом и школой был один тротуар, по которому ездили разве что велосипедисты.

И всё-то теперь было бы ничего, если бы не одно обстоятельство. Хозяйкой третьей комнаты (как старожил, считавшей себя полновластной владычицей всей квартиры) была окончательно спившаяся и безнадежно больная (цирроз печени) пожилая женщина.

По вечерам в коридоре и кухне появлялись грязные, давно не бритые личности. Они вваливались, наверное, из всех подворотен и подвалов города, и тогда начиналось такое, что София вынуждена была уводить детей в дальнюю комнату и плотно затыкать им уши ватой.

А потом наутро чрезвычайно брезгливая, приученная с детства родителями к идеальной чистоте в доме, она убирала битые во время скандалов бутылки, грязные банки из-под консервов и селедочные хвосты со своего стола на кухне, скоблила загаженные до полного безобразия раковины, ванну, унитаз...

Никакие хождения в милицию не помогали. Чем стражи порядка могли напугать страдавшего такой болезнью человека, к тому же инвалида первой группы? Ну разве что попугать немного специальным заведением, где она не увидит ни капли спиртного?

Иногда это помогало. Тогда два-три дня в квартире царили долгожданные тишина и порядок. А затем всё начиналось снова...

«Потерпите немного! – советовали, жалея Софию, соседки по этажу. – Ей уже совсем недолго осталось. Скоро умрет, и тогда – ведь у вас, к счастью, разнополые дети – вся квартира окажется вашей!»

Подслушав однажды такой разговор, хозяйка третьей комнаты подманила к себе скрюченным пальцем Софию и, словно змея, прошипела:

– Смерти моей дожидаясь-шься? Зря! Я так просто одна не уйду! Как только почувствую, что скоро конец, так и знай: открою ночью газ, дож-ждусь, чтобы его побольше вышло, да и чиркну спичкой. Мне-то ведь – ха-ха-ха! – терять уже нечего! Сделаю так, чтобы не то что ваши комнаты, но и полдома на улицу вышшибло! А то, может, и не дожидаясь конца, от боли, если укол не поставят вовремя, так с-делаю! Какая разница: днем ранш-ше, днем позж-же!»

От страха не столько за себя, сколько за детей София опять перестала спать ночами. То и дело она подходила к двери и часами вслушивалась в тишину: не раздадутся ли

шаркающие шаги идущей исполнить задуманное соседки...

Иногда та выходила. С замирающим сердцем София выскальзывала наружу и с облегчением выдыхала, видя, что та всего лишь направляется в туалет.

В конце концов нервы ее не выдержали. И она совершила третий обмен.

О котором стоит сказать только то, что из однокомнатной квартиры на последнем, пятом этаже (в самом пекле, какое только могло быть в том городе), где они оказались и где хозяин второй комнаты, недавно вышедший из тюрьмы мужчина, стал нападать на нее и – самое страшное – на детей, она просто вынуждена была бежать, оставив последний осколок от своей былой прекрасной квартиры – эту комнату, которую и разглядеть толком не успела, – на произвол судьбы.

Куда? Конечно, к родителям! Сначала снова под их неусыпную опеку. Затем, когда они состарились и стали немощны, – уже сама помогая им. Обстирывая, кормя, ухаживая, ставя уколы.

И теперь, после того как они ушли из жизни, – своей запоздало виноватой и благодарной молитвой...

Церковная записка

Была одна из великопостных родительских суббот. Как всегда, в центр храма вынесли канун, перед которым стоял большой стол с целой горой приношений: пакетов с мукой, бутылками подсолнечного масла, кульками с карамелью – да всего сразу и не перечесть.

Ярко горели многочисленные свечи. Мерно позванивало в руках священника кадило. Больше, чем когда-либо, пахло ладаном. Тихо, торжественно, с налетом какой-то таинственной грусти на клиросе пели:

«Покой, Господи, души усопших раб Твоих...»

Каюсь: не должно отвлекаться во время службы. Но тут мне вдруг ясно вспомнилось детство. Родители тогда еще были живы и, даже не верится, намного моложе, чем я теперь...

Слыша время от времени, как священник поминает, доходя до поданной мною записки об упокоении, Георгия и Ирину, я зримо видел их лица, явственно слышал голоса... Вспоминал, как мама ухаживала за мной, когда я болел. Как, отпрашиваясь с работы, водила меня в ателье заказывать новые брюки. Денег у нас в семье много никогда не водилось, и она долго-долго выбирала материю – самую красивую, прочную и... недорогую.

Как папа привозил из командировок новые почтовые мар-

ки, каждый раз подробно объясняя, что если я их коллекционирую, то должен знать о каждой новой марке всё, что только смогу найти о ней в школьной и городской детской библиотеках.

«Тогда это будет не пустым занятием, – приговаривал он, – а с большой пользой!»

Если бы он только знал, что благодаря этому совету многие годы спустя, собирая теперь уже дорогие монеты, которым по две тысячи, а то и больше лет, я в сжатые сроки детально изучу историю античности и напишу большие романы и повести о Древней Греции и Древнем Риме... Но всё это будет потом, потом...

А тогда вспоминалось то, что было до этого. Много вспоминалось. Но самыми яркими были впечатления от общения с родителями во время одного или двух их приездов в пионерский лагерь, где я проводил почти каждое лето.

Теперь это взрослому уму кажется вполне естественным. Привыкший всё время жить с родителями ребенок частенько плачет, скучая, первое время и с особенной радостью встречается с ними вновь. Но тогда-то я этого не понимал. А просто ждал... Ах, как же я ждал их тогда!

Вроде жизнь в лагере была веселой и наполненной различными играми и развлечениями. Бывало, так набегашься, что едва только положишь голову на подушку – тут же проваливаешься в пропасть без сна. Так нет – узнав из письма, что родители наконец приедут в ближайшее воскресенье,

я уже со среды, а то и вторника начинал с нетерпением ждать их. Причем чем дальше, тем острее становилось желание как можно быстрее увидеться с ними.

И вот пролетала среда... Проходил четверг. Одна другой медленней проползали пятница и суббота. И вот наступало долгожданное воскресенье!

Я прекрасно знал, что дорога ко мне в лагерь на машине занимает не меньше трех часов. Поэтому рано ожидать приезда родителей не было никакого смысла. И тем не менее сразу же после завтрака, когда вдруг примолкали звучавшие всё воскресенье из динамика-колокола песни, я останавливался, если шел. Немедленно прекращал игру, если играл. И с замиранием сердца вслушивался.

Но, конечно же, вызывали пока еще не меня.

– Зуева Света, к тебе приехала твоя мама, – раздавался на весь лагерь строгий, как и положено, голос старшей пионервожатой. – Она ожидает тебя на проходной!

– Никонов Вова...

– Валя и Толя Иноземцевы...

Через два-три часа я уже начинал волноваться.

Песни всё чаще прерывались новыми объявлениями. Но вызывали Миш... Вер... Андреев... Наташ... Всех, кроме меня!

Сомнения начинали овладевать мною. И постепенно перерастали в самое настоящее отчаяние. Я уже не шел по засыпанному мелко толченным красным гранитом дорожкам.

Не играл даже в самые любимые игры. (И совсем не потому, что уже почти не с кем было играть.) А просто, изнывая от нетерпения, сидел на терраске ярко раскрашенного деревянного домика, мучительно размышляя.

Может, я что неправильно понял в письме? «Нет!» – перечитав его, наверное, в десятый раз, слегка успокаивался я. Знакомо-мягким маминым почерком в нем было указано именно это воскресенье!

А потом волнения вспыхивали с новой силой. А что, если папе не дал машину начальник? или она сломалась в дороге? Но я тут же вспоминал, что мой папа – сам начальник. И его водитель – лучший шофер в городе!

«А может, они просто забыли, что собирались приехать сегодня? – вкралась лукавая мысль. Но я даже замахал на нее руками: – Нет-нет, всё, что угодно, только не это: такого не может быть никогда!!!»

Так проходили растянутые в часы минуты.

И вот наконец, когда все надежды, казалось, окончательно были потеряны, из динамика раздавалось:

– Женя Санин, тебя ждут родители у проходной нашего лагеря!

Я даже сразу и не понимал, что это – меня! Но кто-то из сидевших рядом, тоже в отчаянии ждущий своих родителей, изо всех сил, но почему-то совсем не больно толкал меня локтем в бок и с нескрываемой завистью кричал:

– Ты что это тут расселся? Разве не слышишь – тебя!

И тогда я, ахнув, вскакивал и со всех ног мчался по самой лучшей в эти неповторимые мгновения в мире дороге, ведущей к воротам.

Всё дальнейшее всегда происходило словно в счастливом, воздушном сне. И напоминало праздник лучше любого дня рождения и всякого Нового года!

Мы обнимались, целовались. Я заглядывал в туго набитые сумки, живо интересуясь, что папа с мамой привезли мне на этот раз. Но тут же забывал про сумки и снова тянулся к ним. Они мне были желаннее и дороже самых вкусных конфет и даже большого пакета с черешней, которой всегда так мало: всего лишь стакан, и то только раз в неделю, давали на полдник в лагере...

Многое, конечно, забылось с тех пор. Например, что еще привозили мне родители в заветных сумках. О чем спрашивали. Что говорили.

Но осталось главное: ни с чем не сравнимая радость от того, что они наконец рядом. И с этой радостью я жил до следующего их приезда. А то и до возвращения домой.

Как же давно это было... И почему мне вспомнилось это именно в эту поминальную службу? А потому, что это был тоже родительский день. Только на этот раз всё было наоборот. Теперь они, мои родители, ждали меня. Точнее, не меня, а моей церковной записки об их упокоении. Ибо это – самое большее из всего остального на свете, что мы можем сделать для них, навечно ушедших в мир иной.

Казалось бы, чего проще: взять у свечного ящика небольшой листок, поставить сверху крестик, написать «Об упокоении». И дальше – проставить бесконечно родные, знакомые имена... Но какой же праздник и радость наступает для них, когда эта записка вносится в алтарь, где во время совершения проскомидии каждое имя, вынимая частичку из просфоры, называет священник, а потом, в конце службы, погружает все эти частички в Чашу с Телом и Кровью Христовыми... Какое великое утешение!..

Вот и ждут они этих родительских суббот или просто того дня, когда мы зайдем в храм и помянем их. Церковной запиской... Сорокоустом... Вечным поминовением...

Ждут, как я когда-то с нетерпением в детстве ждал их. И даже – еще несравнимо больше!

Знаки – «оттуда»

Когда на все мои доводы в пользу веры многие скептически говорят: «Всё это, конечно, хорошо! Но... только как вам поверить? Ведь оттуда никто не возвращался!» – я всегда рассказываю одну и ту же историю. Которая случилась лично со мной. В далеком теперь 1998 году. В Санкт-Петербурге.

Вот она.

Жил я тогда в двухкомнатной квартире на проспекте Науки, которую снимало для меня у одной проживавшей в другом месте больной женщины православное издательство «Сатись», терпеливо дожидаясь, когда я напишу для них роман «Тайна рубинового креста»³. Кроме того, оно выплачивало мне оклад и ежедневно – если я не ленился приезжать к ним через весь город на Васильевский остров – кормило сытным бесплатным обедом. А еще время от времени дарило книги, которые только-только были напечатаны в типографии.

Однажды главный редактор вручил мне прекрасно изданную Псалтирь для чтения по усопшим. Хотя мне полагалось бы как можно чаще раскрывать ее, поминая усопших роди-

³ Справедливости ради нужно сказать, что за два года, которые я прожил в той квартире, издательство так и не дождалось этого романа, выпустив вместо него несколько книг стихотворений и поэм. И вообще получило его еще через несколько лет. Но зато не один – а сразу три!

телей, сродников, друзей и знакомых, я положил ее в стенку, на верхнюю полку, и плотно закрыл стеклянную дверцу. Потом эту Псалтирь заслонили новые подаренные книги.

Всё это было очень доброжелательно и щедро со стороны издательства. Но главное – это, конечно, квартира!

Большая комната с длинной застекленной стенкой, двумя роскошными креслами, рабочим столом и диваном изначально была предназначена для рабочего кабинета; маленькая, с кроватью и тумбочкой, – для спальни. И это было разумно.

По просторному залу можно было свободно ходить, обдумывая очередные эпизоды и проговаривая вслух диалоги. А в спальне, утомившись после многочасовой литературной работы, без которой невозможна большая книга, естественно, только спать.

Но... работа над романом почему-то не пошла – вместо прозы из-под пера днем и ночью начали выходить одни стихотворения. Диван был очень удобен для работы над стихами. И кабинет с первого же дня превратился в... рабочую спальню.

Я ни разу за целый год не ложился на ночь в маленькой комнате. А тут, сам не знаю почему, однажды в июньскую ночь почему-то решил лечь именно в ней...

Это было время белых ночей. Плотных, как в большой комнате, штор в маленькой не было. Мучаясь с непривычки от света поздним вечером, я долго ворочался, прежде чем

наконец уснул.

И проснулся от какого-то странного чувства. В коридоре словно появилось еще одно окно. Придя в себя, я сообразил, что это всего-навсего зеркало, которое отражало падающий из ночного окна северный свет.

Будильник на прикроватной тумбочке показывал два часа. Можно было продолжать спать. Но мне вдруг остро захотелось занавесить зеркало.

А впрочем...

Резонно решив, что раз в доме нет покойника, то, стало быть, и занавешивать зеркало нечего, я только повернулся на другой бок, к настоящему окну. И едва стал засыпать, как в большой комнате раздался страшный грохот. Я так и подскочил на постели.

Мигом перебежав туда, я встал в боксерскую стойку (было дело, занимался немного этим видом спорта в юности) в готовности отстаивать квартиру от вломившихся через балкон грабителей. Только весь вопрос был в том – где они?..

Свет зажигать не было никакой надобности. Я в напряжении прошел по хорошо освещенной комнате. Заглянул за открытые шторы. Внимательно изучил все углы. И то место за стенкой, где мог спрятаться человек. Не забыл посмотреть под диван. Никого... Тогда я прошел на кухню и в ванную комнату – тоже ни души...

«Странно! – недоумевал я. – Откуда же тогда был этот звук? Ведь я точно слышал его!»

Шаг за шагом, пядь за пядью я принялся изучать большую комнату в поисках того места, где что-то могло случиться с таким грохотом. И наконец нашел!

Это был дальний, то есть самый ближний к окну, отсек стенки. Стеклянная дверца в нем была открыта. Я заглянул туда и увидел, что отчего-то сама собой – на ней было не так уж и много всего – рухнула верхняя полка. Все книги, поставленные на нее позже, подались вперед, обнажая ту самую Псалтирь, которую подарил мне директор издательства. Точнее, она просто каким-то образом, словно сама собой, выкатилась перед ними. Хоть бери да начинай читать ее по усопшим!

Но вместо этого, успокоившись, хотя и не понимая, почему не выдержала полка, я вернулся в спальню и уснул.

Однако долго поспать мне опять не удалось. Рано-рано – если бы не белые ночи, то я бы сказал – на рассвете – раздался телефонный звонок. Никто никогда еще не звонил мне так рано...

– Да? – приготовившись отчитать за эту неуместную шутку кого-нибудь из друзей, сказал я и вдруг услышал прерывающийся плачем незнакомый женский голос:

– Простите... Это звонит близкая подруга хозяйки квартиры, которую вы снимаете...

– Она что, хочет, чтобы я срочно съехал? – не на шутку встревожился я.

– Нет, – ответила женщина. – Дело в том, что этой ночью

она... умерла!

– Как – умерла? Когда? – невольно оглядываясь и начиная соображать, что к чему, ахнул я.

– Сегодня. Ночью...

– В два часа?

– А вы откуда знаете? – ахнула женщина. – Мне об этом и то только что сообщили. И я звоню только для того, чтобы вы продиктовали мне номер телефона ее дочери, записанный в блокноте, который лежит сейчас где-то рядом с вами.

– Видите ли... – выполнив просьбу, немного помялся я и – трудно разговаривать с невидимым, тем более плачущим собеседником, да еще о таком невероятном, – всё-таки рассказал о том, что произошло этой ночью.

Дошел до рухнувшей полки, выползшей из-под книг Псалтири для чтения по усопшим и, зная, что во всё это трудно поверить, не слыша и не видя того, самому, как можно убедительнее сказал:

– Вы, конечно, не верите мне сейчас, но, честное слово, так всё оно и было!

Женщина, не перебив ни разу, внимательно выслушала. Всклипнула еще раз. И, очевидно взяв себя в руки, уже тихим, ровным голосом спросила:

– Почему это не верю? У меня у самой однажды было нечто очень похожее. Когда во время очередной своей научной экспедиции по тайге умер мой сын, так в то самое мгновение, когда его не стало, – я потом сверилась до минуты –

в кабинете с книжной полки сама собой упала на пол его самая любимая книга.

Огромная такая энциклопедия про птиц и животных...

...Что я еще могу добавить ко всему этому на вопрос о том, что «оттуда» никто не возвращался? Возвращались. И не раз. О чем написано в Евангелии и чему есть множество подтвержденных авторитетными очевидцами и медицинскими, вплоть до академических, заключениями, свидетельства в духовных книгах.

Конечно, тут нужно быть очень бдительным и осторожным, чтобы не принять за истинные зерна бесовские плевелы. Но эти два случая – не отчаянные ли знаки от наших родных и близких, а порой и малознакомых усопших людей, чтобы мы помолились о них? Помогли в самое трудное время перехода в Вечность.

Знаки – «оттуда»!

Главное условие

1

Виктор выжимал из своей и без того самой быстрой машины в округе всё, на что она была способна. И всё равно ему казалось, что он едет слишком медленно. А причина для спешки была крайне важной.

Он ехал убивать своего бывшего компаньона и друга.

Прознав от кого-то из их ближайшего окружения об этом – ибо все, по окончательному теперь убеждению Виктора, предатели и воры, – друг, как никто другой знающий его характер, может сбежать, сменить имя, лицо, страну и навсегда уйти от законной мести. Поэтому Виктор и гнал машину, нетерпеливо стуча кулаком по рулю и последними словами ругая ее за медлительность.

Собственно, лишать жизни людей – крупных должников, конкурентов или просто неосмотрительно вставших на его пути – было для него не внове. Но до этого он только заказывал убийства. Причем по цепочке, через нескольких незнакомых друг с другом людей. Чтобы никакое следствие, распутывая клубок убийства, не дошло до его сердцевины. То есть до заказчика. А тут ехал делать это впервые – сам.

Была у него и вторая причина спешить. Бывший друг не

просто предал его, а сдал с большим, как оказалось, тщательно собираемым целые годы компроматом, в том числе и со всеми этими убийствами, прокурору, хотя тот совсем не просил об этом.

Зачем? Конечно же, чтобы самому завладеть всем их бизнесом.

«Дурак же ты, Лешка! – мотнув головой, простонал Виктор. – Да я бы и так отдал тебе всё или... почти всё, попроси ты только об этом!»

Отдал бы легко и спокойно. Во-первых, так просто – по дружбе. А во-вторых, потому, что давно уже бесконечно устал от непомерно тяжелого груза больших... нет, огромных или еще точнее – безумных денег!

Это только со стороны, тем, у кого никогда не было больше миллиона в кармане, кажется, что иметь миллиарды, да не в рублях – в долларах, легко и приятно.

Какое там!

Это ведь не жизнь. Это большой бизнес. Ни тебе сна, ни отдыха. Сплошная работа, перелеты, переговоры, нечеловеческая концентрация внимания и напряжение сил, потому что за каждой подписью стоят целые состояния. Наконец, постоянное ожидание, что тебе всадят пулю в затылок. О страхе за жену и детей нечего и говорить. Даже сейчас, когда уже несколько лет в разводе. И так день за днем, ночь за ночью – месяцы, годы...

«Эх, Лешка, Лешка! Точно говорю: оставил бы себе толь-

ко сколько нужно на безбедную старость, это же ничтожная часть всего, – и уехал бы».

Так нет же, предал, продал и еще милицию на него навел.

Поэтому как он ехал сейчас расправляться со своим личным преступником, так и за ним вполне уже могла гнаться государственная погоня. И он опять-таки мог не успеть привести в исполнение свой приговор...

Кожаная сумочка с двумя заряженными – второй на случай, если один из них вдруг откажет, – пистолетами лежала, дожидаясь своего часа, на соседнем сиденье.

Тяжело, беспокойно было на душе то и дело поглядывавшего на нее Виктора. Это постоянно гнетущее – такое, что никакими словами выразить не возможно, – чувство, справедливости ради, родилось в нем задолго до того, как он узнал о предательстве друга. Оно заставляло всё и без того редкое свободное время заполнять различными развлечениями, от некоторых из которых его уже тошнило, и тогда он начинал выискивать всё новые и новые, чтобы забыться и избавиться от него. Хоть на миг.

Иногда это удавалось. Но потом вспыхивало с еще более яростной силой. И в конце концов стало почти невыносимым.

«Может, убью этого негодяя, так хоть тогда станет полегче?» – подумалось ему.

И он еще сильнее, хотя было уже некуда, давил на педаль газа.

В конце концов машина, словно загнанная лошадь, остановилась. И встала как вкопанная.

Сделав несколько бесполезных попыток стронуть ее с места, Виктор огляделся и только тут увидел, что находится в небольшом поселке, прямо у ворот стоявшей в строительных лесах церкви.

«Так, – по привычке мгновенно принялся соображать он. – У здешнего священника наверняка есть машина, а стало быть, и гараж с ямой и инструментом. Хотя нет... – торопливо подсказала верная мысль. – Мою можно теперь оживить только в автосервисе. Я лучше вот что... Я куплю у него его машину. Ну конечно! Какая бы она ни была! Ведь ехать всего ничего осталось, каких-нибудь полчаса даже на битом “Жигуленке”. И потом, милиция, если следует по пятам, тогда меня не найдет.

Решено! Предложу ему в пять, в десять, в сто раз больше, чем она стоит вместе с гаражом и воротами. И таким образом одним выстрелом убью сразу двух зайцев!»

2

Сразу повеселев, Виктор сунул под мышку тяжелую сумочку и решительно шагнул в открытую калитку.

Священника он нашел в глубине двора. Он колот на зиму дрова вместе с бородатыми мужчинами, а две старушки сносили их в большую поленницу.

Это был совсем седой и усталый батюшка. В старом, как и он сам, заплатанном подряснике.

Узнав, в чем дело, он почему-то без удивления посмотрел на Виктора, бегло взглянул на дорогу и неопределенно пожал плечами, словно думая вслух:

– Машина у меня действительно есть. Да вот беда, далеко не чета вашей. Пожалуй, она вся одного ее колеса не стоит. И просто безбожно брать за нее такие деньги. А с другой стороны... для восстановления храма – видите, в каком он состоянии, – они нам сейчас ой как нужны!..

– А мы тогда сделаем вот что, – тут же нашелся Виктор. – Я куплю у вас машину ровно за столько, сколько она стоит, а остальные деньги будем считать жертвой на ваш храм!

– Хорошее дело! – одобрил священник. Но с окончательным ответом почему-то не спешил.

– Скажите, а она у вас хоть на ходу? – начиная терять терпение, принялся поторапливать его Виктор.

– Да! – охотно подтвердил священник. – Она у меня всегда должна быть готова к выезду, как... духовная неотложка.

– И скоростная?

– Ну... объехать и совершить требы, а их знаете сколько – в одной деревне одного причастить надо, в другой – пособоровать, а в третьей – отпеть – ее вполне хватает. Километров двести, а то и триста, бывает, наездишь в день!

– Это как раз то, что мне и надо! – обрадовался Виктор. – Деньги, как говорится, вперед!

Он принялся торопливо расстегивать сумку, где лежали пачки долларов. Но в спешке открыл не то отделение и на мгновение обнажил пистолеты.

Заметив их, священник нахмурился:

– А как же оформление документов и всё прочее?

– Это потом, потом! – отмахнулся Виктор. – Я только возьму у вас документы и оформлю всё сам. Точнее, нам за хорошую, как у вас говорят, мзду с радостью всё сделают.

– А если вас оштрафуют за езду на пока что чужой машине?

– Не оштрафуют, как-нибудь откуплюсь! К тому же мне тут совсем недалеко ехать... Ну так что, по рукам?

Священник бегло, но словно изучающе взглянул на Виктора, о чем-то подумал и отрицательно покачал головой:

– Я лично не против, но вся беда в том, что здесь явный беспорядок, и мне нужно сначала испросить разрешение.

– У кого?! – недовольно поморщился Виктор, полагая, что священник начнет сейчас обзванивать начальство, дело в итоге может дойти до милиции, и тогда тут такое начнется...

Но батюшка, как о само собой разумеющемся, ответил:

– У Бога. То есть мне нужно помолиться.

– А, ну это еще куда ни шло! – с облегчением выдохнул Виктор. – Только быстрее, быстрее, а то я очень спешу!

– А это уж как получится!

Священник зна ком велел мужчинам продолжать работу, а сам, достав из кармана огромную связку ключей, сказал:

– К тому же мне всё равно нужно было бы зайти в храм. Документы-то на машину у меня ведь в сейфе, что в алтаре, лежат. А может, мы вместе пройдем, а? – неожиданно предложил он. – Только вот сумочку здесь свою оставьте... Не бойтесь, тут ее никто не тронет! – успокоил он и с сожалением посмотрел на Виктора. – Пойдемте-пойдемте! Вы ведь, как вижу, в Божием храме давно не были?

– А я и сам не знаю. Наверное, с детства, – беззаботно пожал плечами тот и усмехнулся: – Если, конечно, меня в него водили. Хотя... погодите... ну да, вертится что-то в памяти... Множество обнимающихся друг с другом людей, яркий свет, везде свечи, свечи... иконы... какого я больше не слышал нигде – пение. Священник весь в красном. Его громкий возглас: «Христос Воскресе!» И в ответ дружное: «Воистину Воскресе!» Какая-то общая радость. Звон кадила... клубы дыма.

– Ладана, – поправил священник.

– Ну да. И еще – его запах! Надо же, вспомнил! Значит, и правда был! – с удивлением покачал головой Виктор. – Ну да, точно! Мне еще покойная мама маленький такой крестик показывала. Я его потом, конечно же, потерял... Говорила, это твой, крестильный. И предупреждала: ты только папе ничего не скажи! Отец ведь у меня большим партийным начальником был, – пояснил он и неожиданно для самого себя согласился: – Тогда, пожалуй, и правда, коль, оказывается, я крещеный, есть смысл ненадолго зайти в храм. Как говорил

Дюма, тридцать лет спустя! Заодно и вас потороплю!

– Ну, это мы еще посмотрим, кто кого поторапливать будет! – чуть слышно усмехнулся в седую бороду священник и – впереди Виктора – направился по дорожке к храму.

3

В гулком храме на этот раз не было ни одного человека. Никто не пел. Но были иконы. Священник, хоть и не в красном. И тоже, как тогда, пахло ладаном.

– Сегодня отпевали одного очень хорошего человека, – объяснил батюшка.

Виктор из вежливости рассеянно кивнул ему.

Закончив осматриваться вокруг, он стал внимательно прислушиваться к себе.

– Всю жизнь прожил для других, а как только открылась правда о вере – для Бога и ближних, – продолжал священник.

Но Виктор по-прежнему не внимал его словам, прислушиваясь к своим ощущениям. Втайне он надеялся, что то гнетущее чувство беспокойной тяжести здесь хоть ненадолго отпустит. Но оно, наоборот, только еще больше усилилось.

«Вот тебе и храм! – с горечью усмехнулся он. – А говорят, что сюда ходят, чтобы получить благодать и духовную радость...»

– Причем ближними для него были все – даже те, кто оби-

жал его и кого он видел впервые в жизни, – закончил наконец священник, как-то по особенному, словно пронзая насквозь взглядом, посмотрев на Виктора.

Зашел, перекрестившись, в алтарь. И тут...

Мысли Виктора вдруг превратились в сплошной клубок. Словно летя со снежной горы, тот обрастал всё новыми воспоминаниями: первые, полученные в наследство от отца миллионы – тогда еще рублей, которые он, как говорят по телевизору, различными криминальными путями умножил втрое... затем новые, еще более удачные сделки... В итоге всего этого: квартиры, дома, а потом и дворцы на берегу различных морей... личный самолет... яхты... роскошные, с салютами, вечеринки, постоянные игры в лучших казино планеты, гулянки, приведшие в конце концов к разводу с женой...

и везде эти деньги, деньги, деньги... И нигде, никак от них не укрыться...

Теперь вот еще предательство единственного верного и лучшего, как он всегда считал, в жизни друга.

Очнулся Виктор от того, что почувствовал, что по щекам у него, щекоча, поползли слезы. Рядом стоял священник. Без нужных бумаг в руках.

Виктор вопросительно посмотрел на него, и тот, словно выслушав его мысли, ответил:

– Потом! О делах – потом! Или вы всё еще по-прежнему спешите?

– Да я и сам ничего не знаю... – неопределенно пожав плечами, сказал первое, что пришло ему в голову, Виктор.

– А раз не знаешь, – неожиданно переходя на «ты», предложил священник, – и не будем торопиться. В кои-то веки ты опять попадешь в храм?

4

Так они стояли минуту или час. Виктор даже не понял этого. Он словно потерял ощущение времени. И хотя по-прежнему на душе было тяжело, уходить из храма ему почему-то не хотелось.

И только когда он вспомнил о предателе друге, то почувствовал, как сами собой сжимаются кулаки, и решил напомнить священнику о цели их прихода в храм. Но тот опередил его, мягким, но властным тоном нарушив тишину.

– А теперь, мил-человек, давай поговорим. Нас, батюшек, хлебом не корми – только дай с человеком по душам побеседовать. Работа у нас такая. Я не буду спрашивать у тебя, кто ты и откуда, хотя вижу, что птица высокого полета... Скажи только, зачем тебе так срочно понадобилась моя машина и куда ты едешь? А главное даже не это – зачем?

Давно отвыкший от того, чтобы чужие называли его на «ты» и тем более задавали такие прямые вопросы, Виктор собрался ответить что-нибудь резкое и даже обидное этому дерзкому, пусть он и старик, к тому же еще и священ-

ник, человеку. Но, наверное, это был какой-то необычный священник. Потому что вместо этого кулаки его невольно разжались, плечи опустились. И, давно отвыкший говорить правду, Виктор, чувствуя, что в этом месте и этому человеку нельзя лгать, сам себе удивляясь, как оно есть, сказал:

– Я еду убивать человека, который недостоин жить.

– Стало быть, ты Бог? – уточнил священник.

– С чего это вдруг? – даже отшатнулся от такого вопроса

Виктор.

– Ну как это? Только Бог властен над жизнью каждого человека!

– Ну вы скажете тоже... – впервые лет за двадцать не найдя мгновенного меткого ответа, только и смог пробормотать

Виктор.

Священник неожиданно положил ему на плечо, как сразу почувствовалось, теплую, ласковую – такую он помнил только у мамы – ладонь и пристально посмотрел на него...

И в его глазах Виктор – или это ему почудилось? – вдруг увидел себя, только не высоким, красивым и уверенным, как в жизни... а каким-то маленьким, жалким уродцем...

– Ох и тяжело же тебе, наверно, живется! Хотя все завидуют и думают, что ты самый счастливый человек на свете. А? – услышал Виктор над самым своим ухом.

И дыхание его пресеклось. Обрывая пуговицу, он распахнул ворот рубашки.

Священник словно нашел нужную нить в не дававшем ему

покою тяжелою клубке и добрался до самой его сердцевины. Он больше не мог молчать. Иначе бы задохнулся. И начал говорить. Говорил, говорил... Всё жаловался на других людей, на различные мешающие ему жить обстоятельства, на ушедшую от него любимую жену, а теперь вот и на предавшего его друга...

Вспомнив про него, он снова было напрягся. Но священник, словно опытный поводырь, перевел его на другую дорожку, показывая на иконы и говоря, какие бывают грехи и что бывает с теми, кто уходит из жизни, не раскаявшись в них.

– К счастью, многие теперь, узнав об этом, успевают! – глядя, очевидно, на то место в храме, где он обычно отвечает усопших, с какой-то особенной радостью в голосе сказал священник.

– Ну что ж, как говорится, рад за них! – сухо сказал Виктор. – А мне – нет прощения!

– Ну почему же? Есть, – уверенно возразил священник. – Причем это может произойти здесь. Сегодня. Сейчас.

– Да ну? – недоверчиво посмотрел на него Виктор.

– Только для этого необходимо выполнить одно условие.

– Интересно какое?

– Чтобы ты сам простил всех.

– Всех?..

– Да. И в первую очередь этого твоего обидчика друга!

– Кого? Лешку?!

Виктор порывисто высвободил свое плечо из-под ладони

священника и с гневом воскликнул:

– Никогда!!! И потом, – усмехаясь, добавил он, – это всё равно было бы бесполезно! Я ведь столько наделал в жизни, или, как у вас говорят, нагрешил, что Бог никогда не простит меня!

Виктор сделал шаг к двери, только тут сообразив, что за большие деньги может купить машину не обязательно у священника, а у первого же водителя, который встретится на дороге!

– погоди, – остановил его священник. – Ты и не сможешь понять, как Бог прощает людей, до тех пор, пока сам не простишь кого-то! Ну хотя бы одного-единственного человека!

Виктор, снова не понимая почему, приостановился.

– И почему ты опять всё хочешь решить за Бога? – с мягким упреком спросил у него священник. – Ведь ты же всего-навсего человек! К тому же, как я вижу, очень и очень слабый.

Никто, никогда, даже в детстве, не называл крепкого, задиристого Виктора, занимавшегося боксом, а потом и каратэ, слабым.

Это потрясло его. И тут он начал рассказывать о себе. Причем говорил такое, в чем не открылся бы и адвокату, даже если бы ему грозила смертная казнь.

И вот что странно – только теперь он, словно прозревая, начинал видеть то, что делал и делает, совершенно в ином свете.

– ...И если уж совсем честно... – как в горячке, бормотал он, – то ничего бы я не отдал Лешке, даже если бы он валялся у меня в ногах и просил не моей половины, а жалкого подаяния!

Священник, словно понимая, о чем идет речь, молча согласен качал головой, и Виктор, подбодренный этим, обнажал свою суть всё больше и больше:

– Наоборот, это я сам хотел отобрать у него всё и завладеть нашим общим бизнесом. Он только опередил меня, очевидно узнав от кого-то об этом... И тогда не я, а он ехал бы сейчас убивать меня! Так что Лешка, если разобраться, не так уж не прав!

Потрясенный этим открытием, Виктор во все глаза уставился на священника, и тот, ласково улыбнувшись, сказал:

– Вот и прости его...

– Да уж и так простил! – махнул рукой Виктор.

И тут ему вдруг почудилось, что в храме вновь великое множество обнимающихся друг с другом людей... Как и тогда, в детстве... необычайно радостно и светло, жарко пылают свечи... звучит громкое и торжественное пение... слышится – только почему-то этого, сельского батюшки возглас «Христос Воскресе!»

и в ответ тысячеустное: «Воистину Воскресе!»

«Что это?..» – не понял Виктор. Вытер тыльной стороной ладони глаза. И сразу всё стало ясно. Свеча была одна. В храме пусто и гулко. Причиной всему были единственная горя-

щая перед аналоем свеча и слезы. Из-за них и создалась вся эта радужная картина.

Голос же священника на самом деле вопрошал:

– Теперь ты хочешь, чтобы Господь простил и тебя?

И он отвечал:

– Да.

Словно дождавшись этого, священник с облегчением вздохнул.

Попросив Виктора немного подождать его, он совсем не по-старчески быстрым шагом снова пошел в алтарь. И вскоре вернулся. Действительно – Виктор даже глазам поначалу не поверил – в красной епитрахили и таких же красных поручах. Держа в руках не документы на машину, а Евангелие и Крест.

Священник положил их на аналой. Знаком руки подозвал к себе Виктора, прочитал несколько, как показалось тому с непривычки, бесконечно длинных молитв. Затем, велел наклонить голову, покрыл ее епитрахилью и строго сказал:

– А теперь кайся!

– Как это? – растерянно подал голос из-под епитрахили Виктор.

И услышал где-то высоко-высоко над собою:

– Повтори, но только не мне, а Самому Христу всё то, о чем ты говорил, то есть в чем согрешил и теперь искренне раскаиваешься, желая не повторять всего этого вновь. Только вкратце, самую суть. Например: обманывал, воровал, уби-

вал, блудил...

5

Виктор вышел из храма не меньше чем через час. Весь взъерошенный, мокрый.

Священник остался в храме, опять обещав вскоре выйти. Хотя Виктор больше и не торопил его.

Машина священника теперь ему была не нужна. Обещанные деньги и даже больше, пройдя к сумочке, он и без нее передаст храму...

Можно, конечно, было бы съездить к Лешке, но с перепугу тот может его не понять. Еще и стрельбу откроет...

Ну, а милиция нагонит – тоже не беда. Быстрее привезет к прокурору. А он ведь живой человек, с которым можно всегда договориться. Были бы деньги.

А они, к счастью, пока еще есть. Так что не так всё и страшно.

«А впрочем, нет, – зябко передернул плечами Виктор, – страшно!»

После всего, что он сейчас испытал, даже ему, как он всегда считал, бесстрашному, страшно было снова влезать в прежние грехи. Опять возвращаться к прошлому! Пусть уж всё будет как будет!

Виктор поднял глаза к небу, улыбнулся. И внезапно почувствовал, что вся тяжесть, которая мучила, не давая покоя

ни днем ни ночью, больше не давит на него. Она исчезла. Будто ее и не было!

На душе стало так легко, как бывает разве что в раннем детстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.